

Степанов Михаил Геннадьевич

**МАСШТАБЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ РЕПРЕССИЙ В РККА И РККФ (1937-1938 ГГ.) В ОТРАЖЕНИИ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Статья раскрывает проблему степени изученности масштабов и последствий политических репрессий в современной российской историографии в отношении РККА и РККФ периода "большого террора" (1937-1938 гг.). Особо акцентируется внимание на доказательной базе историков, кроме того, показаны наиболее перспективные направления в дальнейшей разработке проблематики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/43.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. II. С. 156-159. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

условия для достижения в короткие сроки высокого жизненного уровня среднего класса. Несмотря на режим военной диктатуры, общее улучшение качества жизни вызвало либеральные трансформации в корейском обществе [3, с. 305]. Но диктаторские методы редко способствуют эффективному развитию науки и техники, чаще сдерживают этот процесс.

С учетом собственного исторического опыта России не следует возвращаться к авторитаризму, тем не менее требуется признать относительно эффективными методы руководства наукой, естественными монополиями, банковской сферой, которые были разработаны в условиях социалистической модели хозяйствования (государственная поддержка науки и наукоемкой промышленности, государственный контроль над использованием недр и т.д.). В той же мере власть не должна препятствовать реальному внедрению элементов рыночной экономики в тех сферах общественной и экономической жизни, где это позволит сформировать жизнеспособный средний класс (сектор услуг, легкая промышленность). Именно сочетание передовых методов в управлении и научных технологий в индустрии способно организовать интеллектуальную и политическую элиту российского общества. Адекватные современным требованиям демократического развития изменения политического режима (в методах властвования) неизбежно приведут к необходимым переменам в управлении муниципальном – в плане эффективного использования достижений науки и техники.

Список литературы

1. **Борисенко В. В.** Наука и рыночные отношения в информационном обществе: социально-философский анализ. М.: Наука, 2008. 246 с.
2. **Горбачев М. С.** Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 400 с.
3. **Малевич И. А.** Азиатский треугольник драконов. М.: АСТ, 2006. 640 с.
4. **Фромм Э.** Человек для себя. М.: АСТ, 2009. 768 с.

PUBLIC MANAGEMENT SYSTEM AS SCIENTIFIC-TECHNICAL DEVELOPMENT FACTOR

Mikhail Valer'evich Sedel'nikov
Department of Constitutional Law
Russian State Social University (Branch) in Krasnoyarsk
mike.sedelnikov@yandex.ru

Political regimes are modified during their development under the influence of scientific-technical progress taking place in society. The author considers the efficiency degree of scientific-technical development processes use in public management within the limits of different political regimes.

Key words and phrases: public management; scientific-technical development; political regime; authority; social progress.

УДК 629.33

Статья раскрывает проблему степени изученности масштабов и последствий политических репрессий в современной российской историографии в отношении РККА и РККФ периода «большого террора» (1937-1938 гг.). Особо акцентируется внимание на доказательной базе историков, кроме того, показаны наиболее перспективные направления в дальнейшей разработке проблематики.

Ключевые слова и фразы: историография; политические репрессии; «большой террор»; Рабоче-Крестьянская Красная Армия; Рабоче-Крестьянский Красный Флот.

Михаил Геннадьевич Степанов, к.и.н.
Кафедра истории России
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
StepanovM@yandex.ru

МАСШТАБЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ РЕПРЕССИЙ В РККА И РККФ (1937-1938 ГГ.) В ОТРАЖЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ[©]

Отдельной темой в российской историографии является проблема репрессий в вооруженных силах СССР в 1937-1938 гг. Довольно подробно в отечественной исторической науке рассмотрен вопрос, связанный с определением масштабов политических репрессий в РККА и РККФ.

Рост активности репрессий в вооруженных силах хорошо иллюстрируют протоколы заседаний партбюро по начсоставу РККА. К примеру, 10 октября 1937 г. партбюро Управления по начсоставу постановило: «1) Центральной задачей всей работы коммунистов первого отдела является дальнейшее решительное вы-

корчевывание последней троцкистско-бухаринских и японо-германских шпионов и тщательное изучение всех учитываемых кадров. 2) Ввиду того, что изучение учитываемых кадров командного состава не поставлено на требуемую высоту, партбюро обязывает коммунистов первого отдела так изучать учитываемые кадры, чтобы была полная уверенность в политической надежности и военной квалификации не только выдвигаемых, но и учитываемых кадров. 3) Партбюро обязывает коммунистов первого отдела систематически пополнять кандидатские списки путем решительного и смелого выдвижения молодых кадров командного состава из числа преданных делу партии Ленина – Сталина командиров» [17, д. 7, л. 32].

В отечественной историографии «трагическая статистика» «большого террора» в отношении военнослужащих не характеризуется однообразием и выглядит следующим образом. В. Н. Рапопорт и Ю. А. Геллер пишут о 100 000 офицеров, репрессированных за 1937-1938 гг. [16, с. 289, 291], Н. М. Раманичев – 44 000 [15, с. 3], А. М. Самсонов – 43 000 [18, с. 102], Д. А. Волкогонов, Д. М. Проэктор, Ю. И. Стецовский (с уточнением о том, что, кроме того, репрессировали почти 200 тысяч членов их семей и родственников), А. Г. Петров – 40 000 [1, с. 51; 12, с. 54; 14, с. 304; 20, с. 77], А. Н. Яковлев – 36 000 [26, с. 179].

Приведенные показатели репрессий в вооруженных силах свидетельствуют лишь о поверхностном подходе некоторых авторов в определении реальной картины потерь Красной Армии от репрессий, причем большая часть представленных показателей на настоящий момент никак документально не подкреплена.

К примеру, для получения более объективной информации Ф. Б. Комал предлагает четко разделить категории «уволенных» и «репрессированных» [6, с. 24]. По данным другого исследователя проблемы – Д. Б. Лошкова, причиной увольнений мог быть «не только арест, но и смерть, инвалидность, болезнь, выслуга лет, а арестовывали не только за политические взгляды, но и за пьянство, моральное разложение, мародерства, хищения и т.п.» [8, с. 17]. Кроме того, автор приводит сведения, что наряду с увольнениями в РККА происходил и обратный процесс – восстановления несправедливо уволенных военнослужащих: «...из общего числа в 36 898 уволенных из армии командиров и политработников было восстановлено 12 461 человек» [Там же, с. 18]. Аналогичного взгляда придерживается и О. Ф. Сувениров [21, с. 136].

Справедливое замечание было сделано в совместной статье А. Т. Уколовым и В. И. Ивкиным о том, что нельзя относить к жертвам репрессий представителей офицерского корпуса, осужденных за уголовные и морально-бытовые преступления. Авторы предлагают не вносить в общий список арестованных по политическому критерию 8 624 человека (по подсчетам на основе соотношения заключенных ГУЛАГа) [24, с. 58]. У О. Ф. Сувенирова данное число оказывается еще меньше и составляет – 5 316 офицеров (за 1936-1941 гг.) [21, с. 302].

Безусловно, разброс мнений по поводу масштабов репрессий в вооруженных силах можно объяснить, прежде всего, недостаточно достоверной интерпретацией слов наркома обороны СССР К. Ворошилова, который назвал цифру «более 40 тысяч вычищенных кадров в 1937-1938 гг.» [5, с. 4].

В современной исторической науке наиболее аргументированные трактовки, связанные с определением количества репрессированных советских военнослужащих в 1937-1938 гг., содержатся в работах следующих ученых.

О. Ф. Сувениров в подсчетах числа арестованных военнослужащих РККА опирается на данные о количестве репрессированных, представленных начальником Управления по начсоставу РККА Б. А. Щаденко [21, с. 136]. Общее количество военнослужащих РККА, арестованных по политическим мотивам в 1937-1939 гг., складывается у исследователя из 9 579 лиц командного состава РККА (за 1937 г. вместе с ВМФ), примерно 1 590 военнослужащих ВВС, а также из неизвестного нам числа арестованных органами НКВД красноармейцев, краснофлотцев и лиц младшего начсостава РККА, лиц командного состава ВМФ за 1938-1939 гг. и, наконец, из командиров и политработников, уволенных из армии в 1937-1939 гг. (или ранее) по политическим мотивам и уже «на гражданке» арестованных органами НКВД [Там же, с. 137].

Также О. Ф. Сувениров высказал одно немаловажное замечание, которое касается современной историографической ситуации проблемы: «Большинство авторов пишут об уничтожении только командного состава, о расстрелянных командирах. Это не совсем точно, ибо командный состав, это – лишь часть начальствующего состава (правда, наибольшая по численности, примерно около половины его). В начсостав же, кроме командного, входили военно-технический, военно-политический, военно-хозяйственный, административный, военно-медицинский, военно-юридический и другие составы. И в эти роковые годы шло истребление начсостава в целом, а не только одного командного» [Там же, с. 301].

Другой специалист в данной предметной области – М. И. Мельтюхов – отметил, что на настоящий момент ограниченная источниковая база не позволяет однозначно ответить на вопрос о масштабах репрессий в вооруженных силах: «К репрессированным можно отнести лишь уволенных за связь с заговорщиками и по национальному признаку, а также арестованных по политическим мотивам. Но, к сожалению, именно данные о причинах увольнения до сих пор точно неизвестны. Видимо, в сухопутных войсках репрессированными могут считаться около 17 тысяч человек. Также остается неизученным вопрос о распределении репрессированных по категориям командно-начальствующего состава, что не позволяет оценить воздействие чисток на уровень боеспособности советских вооруженных сил» [9, с. 369].

По подсчетам сибирского историка В. С. Мильбаха (со ссылкой на официальные сведения кадровых органов – М. С.), в результате чистки 1937-1938 гг. из рядов РККА было уволено по политическим мотивам командного состава 28 328 человек (без ВВС), при этом число арестованных составило на 19 сентября 1938 г. – 10 868 человек (без морских сил). Часть командного состава через какое-то время после увольнения также была арестована и осуждена судебными и внесудебными органами, причем статистика действий последних мало изучена по ряду объективных обстоятельств [11, с. 18].

Используя в своем исследовании информативные возможности Центрального архива ФСБ РФ, Российского государственного военного архива и Архива Главной военной прокуратуры, Н. С. Черушев предлагает следующую динамику арестов командно-начальствующего состава РККА по политическим мотивам в 1937-1938 гг.: «В 1937 г. по политическим мотивам (арестованные, исключенные из ВКП(б) за связь с заговорщиками) составляли 15 578 человек, или 85% к общему числу уволенных в 1937 г. В 1938 г. – 8 612 человек, или 52% к общему числу уволенных в 1938 г.» [25, с. 272]. Таким образом, по подсчетам Н. С. Черушева, в 1937-1938 гг. было репрессировано 24 190 представителей командно-начальствующего состава вооруженных сил СССР [Там же].

Не менее спорным вопросом в отечественной исторической науке является выяснение степени оказанного влияния массовых репрессий на боеспособность и в целом эффективное функционирование РККА накануне Великой Отечественной войны.

Так, Д. А. Волкогонов приходит к выводу, что в преддверии войны Сталин и его окружение создали объективные предпосылки для ее крайне тяжелого начала и ведения [1, с. 526].

По мнению Н. М. Раманичева, «...накануне войны советские вооруженные силы были фактически обезглавлены, Гитлер, кстати, придавал этому фактору очень важное значение, принимая решение о сроках нападения на СССР» [15, с. 2].

К оценкам последствий репрессий для РККА, высказанным Д. А. Волкогоновым и Н. М. Раманичевым, близка позиция Ф. Б. Комала: «Массовые репрессии против военных кадров, гибель многих военачальников высшего звена привели к ослаблению офицерского корпуса, сказались на боеспособности Вооруженных Сил накануне войны и явились одной из причин их поражения в начальный период. И это ощущалось на протяжении всей войны» [6, с. 28].

Аналогичные оценки можно проследить в публикациях Д. М. Проэктора [14, с. 304], В. А. Вольнова [2, с. 20], О. Ф. Сувенирова [21, с. 323], Н. С. Черушева [25, с. 464].

Более осторожен в своих выводах А. А. Печенкин: «В результате “большого террора” командно-начальствующий и политсостав по 3-5 раз сменился как в центральном аппарате, так и на уровне военных округов, армий, корпусов, дивизий, бригад. Была нарушена преемственность между старой и новой элитой. Сопровождаемые шельмованием кадров, репрессии подорвали авторитет командного состава у красноармейцев, привели к резкому падению порядка и дисциплины» [13, с. 169].

Помимо общей проблематики в историографии были поставлены более частные проблемы. Например, Г. И. Герасимов попытался провести сравнительный анализ качественного состава командиров Красной Армии до и после репрессий. Он пришел к выводу, что новое поступление офицеров не уступало по уровню образования предшественникам, а процент командиров, имевших боевой опыт, даже увеличился [3, с. 61]. Также Г. И. Герасимов подчеркнул, что «...вред, нанесенный репрессиями, заключается не в снижении уровня подготовленности кадров, их некомплекте и недостатке опыта прохождения службы в соответствующих должностях, а в нагнетании атмосферы страха и неуверенности среди командного состава. Оценить влияние этих факторов на состояние офицерского корпуса при помощи существующих методов пока не представляется возможным, а значит, нужны новые поиски, новые исследования» [4]. А. Смирнов с этим не согласился и привел в свою очередь доказательства о снижении культурного уровня солдат и офицеров [19, с. 77].

В историографической статье А. В. Короленков пришел к выводу о том, что репрессии в вооруженных силах не повлияли коренным образом на боеспособность армии, и до 1937 г. находившуюся далеко не на высоте. Однако отсюда отнюдь не вытекает, что их последствия были незначительными – на войне даже «проценты» обернулись десятками и сотнями тысяч жизней [7, с. 160].

Также А. Н. Мерцалов и Л. А. Мерцалова в работе «Сталинизм и война» заметили, что «...с утратой своих лучших полководцев, способных мыслить самостоятельно, армия потеряла нечто большее, чем принято думать. Всепопослушание воцарилось вокруг Сталина в решающие месяцы войны перед нападением на СССР. Репрессии крайне отрицательно повлияли на подготовку обороны и ведение самой войны» [10, с. 232].

Кроме того, следует сказать, что в современной российской историографии также встречаются и положительные оценки проводившихся репрессий в вооруженных силах в 1937-1938 гг.

Это довольно категоричные выводы В. Суходеева и Б. Соловьева: «И все же проводившаяся в армии чистка была необходимым актом. Она укрепляла обороноспособность страны, в корне подорвала троцкистское влияние в Вооруженных Силах, очистила их от изменнических и шпионских элементов» [23, с. 30].

Кроме того, на наш взгляд, не выдерживает никакой научной критики точка зрения В. Суворова о том, что будто репрессии очистили вооруженные силы от негодных офицеров и привели на высшие посты достойных командиров, которые и разгромили вермахт [22, с. 297].

В целом, подводя итог выяснению степени влияния репрессий «большого террора» на боеспособность РККА и РККА, нам близки оценки, высказанные М. И. Мельтоховым: «Комплексное рассмотрение исследований по вопросу о репрессиях в Красной Армии показывает, что широко распространенная версия об их катастрофических для армии последствиях так и не была доказана и требует дальнейшего тщательного изучения. Все еще остаются слабо исследованными вопросы о месте 1937-1938 гг. в системе чисток офицерского корпуса РККА, их связи с планами Сталина в отношении армии, боевой и политической подготовкой комсостава и реальной боеготовностью Красной Армии накануне войны. Центральный же из них – последствия репрессий для боеготовности Красной Армии – пока не может считаться окончательно решенным, поскольку не были сформулированы объективные научные критерии для его решения и исследователи не получили доступа к необходимому документальному материалу» [9, с. 369].

Анализ исторических исследований по вопросам политических репрессий в вооруженных силах в 1937-1938 гг. свидетельствует, что данному процессу российские историки уделяли должное внимание. Ими были определены масштабы репрессий в вооруженных силах СССР и их влияние на боеспособность в предвоенный период. Что касается общего рассмотрения темы политических репрессий в вооруженных силах, то здесь можно выделить две основные тенденции: с одной стороны, большинство авторов, обращающихся к этой проблематике, крайне негативно оценивают репрессивную политику в РККА и РККФ и ее последствия, в рамках же второй тенденции просматриваются попытки частичной реанимации сталинской концепции «большого террора» в СССР (1937-1938 гг.). Однако следует заметить, что некоторые проблемы репрессивной политики в вооруженных силах СССР получили лишь фрагментарное рассмотрение. Так, не получила широкого освещения в современной российской историографии проблема, свидетельствующая о том, что часть командного состава пыталась использовать репрессии в своих целях, прежде всего для продвижения по службе, и старалась обеспечить себя иммунитетом от ареста. Тщательное исследование данной проблемы, по нашему мнению, может способствовать более глубокому пониманию межличностных отношений, которые складывались в РККА и РККФ в период массовых политических репрессий в 1937-1938 гг.

Список литературы

1. **Волкогон Д. А.** Триумф и трагедия: политический портрет И. В. Сталина: в 2-х кн. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1990. Кн. 2. 544 с.
2. **Вольнов В. А.** Политический террор в 30-х годах в Советской России: лекция. М.: МЮИ МВД России, 1995. 27 с.
3. **Герасимов Г. И.** Высшее военное руководство РККА: анализ данных 1919-1941 гг. // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 56-61.
4. **Герасимов Г. И.** Действительное влияние репрессий 1937-1938 гг. на офицерский корпус РККА [Электронный ресурс]. URL: http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/G/Gerasimov/Articles/RKKA_Repr.html (дата обращения: 23.11.2010).
5. **Данилов В. Д.** Советское главное командование в преддверии Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 3-20.
6. **Комал Ф. Б.** Военные кадры накануне войны // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 21-28.
7. **Короленков А. В.** Еще раз о репрессиях в РККА в предвоенные годы // Отечественная история. 2005. № 2. С. 154-162.
8. **Лошков Д. Б.** Командные кадры Красной Армии накануне Великой Отечественной войны: 1939 – июнь 1941: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. 30 с.
9. **Мельтюхов М. И.** Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941: документы, факты, суждения. М.: Вече, 2000. 608 с.
10. **Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А.** Сталинизм и война. М.: ТЕРРА - Книжный клуб, 1998. 432 с.
11. **Мильбах В. С.** Политические репрессии командного состава Забайкальского военного округа и 57-го особого корпуса в 1937-1938 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. 27 с.
12. **Петров А. Г.** Типология репрессий в СССР: опыт историко-правового анализа. М.: Центр гуманитарной литературы «РОН», 2004. 308 с.
13. **Печенкин А. А.** Военная элита в СССР в 1935-1939 гг.: репрессии и обновление. М.: ВЗФЭИ, 2003. 172 с.
14. **Прозектор Д. М.** Фашизм: путь агрессии и гибели. М.: Наука, 1989. 582 с.
15. **Раманичев Н. М.** «Красная армия всех сильнее?» // Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 2-9.
16. **Рапопорт В. Н., Геллер Ю. А.** Измена Родине: о роли сталинских репрессий в истории Красной Армии. М.: Стрелец, 1995. 462 с.
17. **Российский государственный военный архив (РГВА).** Ф. 37837. Оп. 15.
18. **Самсонов А. М.** Вторая мировая война: 1939-1945. М.: Наука, 1990. 637 с.
19. **Смирнов А. К.** Бою – не готовы: армия маршала Блюхера накануне 1937 года // Родина. 2000. № 9. С. 74-77.
20. **Стецовский Ю. И.** История советских репрессий: в 2-х т. М.: Знак-СП, 1997. Т. 2. 432 с.
21. **Сувениров О. Ф.** Трагедия РККА 1937-1938. М.: ТЕРРА, 1998. 528 с.
22. **Суворов В.** Очищение: зачем Сталин обезглавил свою армию? М.: АСТ, 2003. 468 с.
23. **Суходеев В., Соловьев Б.** Полководец Сталин. М.: Алгоритм, 1999. 320 с.
24. **Уколов А. Т., Ивкин В. И.** О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы // Военно-исторический журнал. 1993. № 1. С. 56-59.
25. **Черушев Н. С.** Удар по своим: Красная Армия: 1938-1941. М.: Вече, 2003. 480 с.
26. **Яковлев А. Н.** По мощам и елей. М.: Евразия, 1995. 191 с.

SCALES AND CONSEQUENCES OF REPRESSIONS IN WORKERS AND PEASANTS' RED ARMY (WPRA) AND WORKERS AND PEASANTS' RED FLEET (WPRF) (1937-1938) IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY REFLECTION

Mikhail Gennad'evich Stepanov, Ph. D. in History
Department of Russian History
Khakass State University named after N. F. Katanov
StepanowM@yandex.ru

The author reveals the problem of studying the scales and consequences of political repressions in modern Russian historiography in relation to WPRA and WPRF of "The Great Terror" period (1937-1938), pays special attention to the historians' evidentiary base and shows the most perspective directions for the further development of the subject matter.

Key words and phrases: historiography; political repressions; "The Great Terror"; Workers and Peasants' Red Army; Workers And Peasants' Red Fleet.